

ОДИССЕЙ

2009

Путешествие как историко-культурный феномен

Время и exempla

Средневековые визионеры и визионерская литература

Террор Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
ОЕ-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор
А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ,
Жак Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.Г. КОНОВАЛОВА,
доктор исторических наук С.И. ДАНЧЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989–.

2009 : Путешествие как историко-культурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2010. – 000 с. – ISBN 978-5-02-037586-4.

Главная тема выпуска – феномен путешествий в разных культурах, его роль в социальной, интеллектуальной, религиозной и других сферах жизни. Представлены материалы о разных типах путешествий (паломничество, миссия, исследовательское путешествие), охватывающие период от античности до XX века. Обсуждаются вопросы межкультурных коммуникаций в ходе путешествия, статуса и образа путешественника в разных культурах, семантики и поэтики рассказов о путешествиях. Также в сборнике представлены статьи о времени в средневековых проповеднических притчах (exempla). Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей. О средневековых представлениях о страшном суде и другие материалы. Публикуются рецензии на новые издания по истории, вышедшие в России и за рубежом.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов в области гуманитарного знания и более широкой аудитории.

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037586-4

- © Институт всеобщей истории РАН, 2010
- © Лучицкая С.И., составление, 2010
- © Коллектив авторов, 2010
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания, 2010)
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕР

А.В. Толстиков, О.Е. Кошелева

НОМО VIATOR.....

А.В. Подосинов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ: О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В “ХОРОГРАФИИ” ПОМПОНИЯ МЕЛЫ

Ф.Д. Прокофьев

PEREGRINATIO В ОКЕАНЕ: АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В “ПЛАВАНИИ СВЯТОГО БРЕНДАНА”

Т.Н. Джаксон

ХОЛЬМГАРДСФАРИ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

С.И. Лучичкая

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В XII–XIII вв.: ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

О.И. Тогоева

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МИССИЯ В ЭПОПЕЕ ЖАННЫХ Д’АРК.....

А.А. Пименова

ПУТЕШЕСТВЕННИК, “ФИЛОСОФЫ” И “ДОБРЫЕ ДИКАРИ”: ЭКСПЕДИЦИЯ Ж.-Ф. ДЕ ЛАПЕРУЗА, 1785–1788 гг.

С.Е. Федоров

“УВИДЕТЬ ПАРИЖ И...”: ПУТЕВВЫЕ ЗАМЕТКИ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА

А.В. Лазарев

ПАРИЖ ИНОСТРАНЦЕВ ЭПОХИ ARS ARODEMICA (1570–1670).....

М.В. Лескинен

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: ОПИСАНИЕ КАК СПОСОБ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ. ФИНЛЯНДИЯ И ФИННЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ З. ТОПЕЛИУСА

Г.П. Мельников

“ИЗ ЧЕХИИ АЖ НА КРАЙ СВЕТА”: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ МАЛОГО НАРОДА

К.А. Левинсон

ОБ ОДНОЙ ВЫПАВШЕЙ СТРАНИЦЕ ЧЕЛЮСКИНСКОЙ ЭПОПЕИ..

А.В. Толстиков

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОКЛЮЧЕ-
НИЙ ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI в...

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

ПИСЬМО В.Я. ПРОППА И.П. ЕРЕМИНУ О “ПОВЕСТИ ВРЕМЕН-
НЫХ ЛЕТ” (*Предисловие и публикация Б.С. Кагановича*).....

О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ. ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ НА ЗАСЕ-
ДАНИИ СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ИНСТИТУТЕ
ИСТОРИИ АН СССР, 1949 г. (*Предисловие и публикация А.Р. Горяинова*) ..

И.Г. Галкова

СОН РАЗУМА.....

Ю.П. Зарецкий

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТУЗЕМЦА

К.А. Левинсон

ПОЧЕМУ Я НЕ КОММЕНТАТОР.....

И.Г. Галкова

О ТУЗЕМНОМ НАСЛЕДСТВЕ.....

О.Е. Кошелева

ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙ-
СКОГО.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ж.-К. Шмитт

ЕХЕМРЛА И ВРЕМЯ (*перевод с французского И.Г. Галковой*).....

М.РН Майзульс

РЕАЛЬНОСТЬ СИМВОЛА И СИМВОЛ РЕАЛЬНОСТИ В ВИЗИОНЕР-
СКОМ ОПЫТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

РЕЦЕНЗИИ

К.Ю. Ерусалимский

МЕЖДУ КАНОНИЗИРОВАННЫМИ И ДЕМОНИЗИРОВАННЫМИ:
ТЕРРОР ИВАНА ГРОЗНОГО В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ (*рассуждения над книгой А.А. Булычева*)

<i>Булычёв А.А.</i> Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
“ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ” В СРЕДНЕВЕКОВОМ НЕМЕЦКОМ ИСКУССТВЕ.....	
<i>Вегман С.</i> На пути к небу. “Очистительный огонь” в немецком средневековом искусстве. Кёльн; Веймар; Вена, 2003.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
СЛОВО-ОБРАЗ-ТЕКСТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ	
<i>Кургиманн М.</i> Слово-образ-текст. Исследования о медиальности в высокое Средневековье и раннее Новое время. Баден-Баден, 2006–2007. Т. 1–2	
<i>М.Ю. Парамонова</i>	
НОВАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, НАПИСАННАЯ ИСТОРИКОМ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<i>Боргольте М.</i> Христиане, иудеи и мусульмане. Наследие Античности и подъем Запада. 300–1400 гг. Мюнхен, 2006.....	
SUMMARIES.....	
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	

CONTENTS

TRAVEL AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

A.V. Tolstikov, O.Ye. Kosheleva

HOMO VIATOR

A.V. Podossinov

TRAVELLING THE ANCIENT ECUMENE: THE STRUCTURE
PRINCIPLES OF GEOGRAPHICAL DESCRIPTION IN POMPONIOUS
MELA'S *DE CHOROGRAPHIA*.....

F.V. Prokofiev

ALLEGORY AND REALITY IN *NAVIGATIO SANCTI BRENDANI*.....

T.N. Jackson

THE TRAVEL FORMULA' OF ICELANDIC SAGAS.....

S.I. Luchitskaya

TRAVELLING TO THE HOLY LAND IN THE TWELFTH AND
THIRTEENTH CENTURIES: A STUDY IN THE HISTORY
OF EVERYDAY LIFE

C.I. Togoeva

TRAVEL AS MISSION IN THE JOAN OF ARC EPIC

L.A. Pimenova

THE TRAVELER, THE 'PHILOSOPHERS' AND THE 'GOOD SAVAGES':
JEAN-FRANÇOIS DE LA PÉROUSE'S EXPEDITION OF 1785–1788....

S.Ye. Fyodorov

"TO SEE PARIS AND...": A YOUNG ENGLISHMAN'S TRAVEL
DIARY.....

A.B. Lazarev

PARIS AS VIEWED BY FOREIGNERS IN THE TIME OF *ARS*
APODEMICA (1570–1640)

M.V. Leskinen

TRAVELLING THROUGH ONE'S OWN HOME COUNTRY:
DESCRIPTION AS A MEANS OF REPRESENTING THE NATION.
FINLAND AND THE FINNS AS DEPICTED BY ZACHARIAS
TOPELIUS

G.P. Melnikov

'FROM BOHEMIA TO THE ENDS OF THE EARTH'? A SMALL
NATION'S GLOBAL INTENTIONS.....

K.A. Levinson

A LOST PAGE OF THE *CHELYUSKIN* EPIC

A.V. Tolstikov

A TEST OF PATIENCE: A POETICAL DESCRIPTION OF THE
TRIBULATIONS SUFFERED BY A MID-SEVENTEENTH CENTURY
SWEDISH EMBASSY TO RUSSIA

HISTORIAN AND TIME

VLADIMIR PROPP'S LETTER TO IGOR YEREMIN (*B.S. Kaganovich's
publication*)

ON TRADITIONALISM. PAPER PRESENTED BY NINA SIDOROVA
AT A MEETING OF THE DEPARTMENT OF THE HISTORY OF THE
MIDDLE AGES, INSTITUTE OF HISTORY, ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR, IN 1949 (*Publication and introduction by A.N. Gorvainov*)

I.G. Galkova

THE SLEEP OF REASON

Yu.P. Zaretskiy

FROM THE NATIVE POINT OF VIEW.....

K.A. Levinson

WHY I AM NOT TO COMMENT ON THIS

I.G. Galkova

ON NATIVE HERITAGE

O.Ye. Kosheleva

NINA SIDOROVA'S PAPER AND THE HISTORY OF THE RUSSIAN
STATE.....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

J.-C. Schmitt

EXEMPLA AND TIME.....

M.R. Maizuls

THE REALITY OF SYMBOL AND THE SYMBOL OF REALITY
IN THE VISIONARY EXPERIENCE OF THE MIDDLE AGES

REVIEWS

K.Yu. Yerusalimskiy

CANONIZED OR DEMONIZED: IVAN THE TERRIBLE'S TERROR
AS INTERPRETED IN TERMS OF CULTURAL SYMBOLS

Bulychov A.A. Between saints and demons. Notes on the postmortem fate
of persons persecuted by Ivan the Terrible. Moscow, 2005.....

S.I. Luchitskaya

'THE PURIFYING FIRE' IN GERMAN ART

Wegmann S. Auf dem Wee zum Himmel. Das Fegefeuer in der deutschen Kunst
des Mittelalters. Köln – Weimar; Wien, 2003

S.I. Luchitskaya

WORD–IMAGE–TEXT IN THE MEDIEVAL CULTURE

Curschmann M. Wort–Bild–Text. Studien zur Medialität des Literarischen
in Hochmittelalter und früher Neuzeit. 2. Bde. Baden-Baden, 2006–2007

M.Yu. Paramonova

A HISTORY OF THE MIDDLE AGES WRITTEN BY A GLOBALIZATION
ERA HISTORIAN

Borgolte M. Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und
der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 nach Christus. München, 2006

SUMMARIES.....

SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....

М.В. Лескинен

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ:
ОПИСАНИЕ КАК СПОСОБ
НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ.
ФИНЛЯНДИЯ И ФИННЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ
З. ТОПЕЛИУСА

Начало формирования национально-географических образов в Европе принято относить к середине XIX столетия¹, в собственно финляндской историографии его связывают с более ранним периодом 1830–1850-х годов². В Финляндии, входившей с 1809 г. в состав Российской империи, процессы осмысления и оформления этнической идентичности и создания национальной идеологии протекали параллельно, зарождение и развитие соответствующих концепций и представлений осуществлялось в общем для Европы XIX в. русле. Особенности формирования национальной идеологии в Финляндии определялись следующими факторами: 1) политическая и культурная элита имела шведское происхождение; 2) первые фенноманы – деятели национального движения – строили национальную идеологию исходя из известной формулы одного из лидеров так называемого абоского романтизма – А.И. Арвидсона (1791–1858): “Мы не шведы, русскими стать не хотим, так будем же финнами”; 3) парадокс финляндского нациестроительства выражался и в том, что феннофильское движение ширилось и укреплялось, с одной стороны, при поддержке российских властей³, а с другой – ведущую роль в нем играли представители шведоязычной интеллигенции.

В 1840-х годах, когда национально-патриотические идеи получили свое выражение в творчестве и патриотической деятельности “отцов-основателей” финской нации – Э. Лённрота, Й. Рунеберга и Й. Снельмана, – на это поприще вступил и Захариас (Сакари) Топелиус-младший (Zacharias, Sakari Topelius, 1818–1898) – финляндский поэт, романист, сказочник, ученый, педагог, политик и публицист, писавший на шведском языке. Топелиус является центральной фигурой национального финляндского движения второй половины XIX в. Его разносторонние дарования и интересы способствовали широкому распространению идей феннофилов, поскольку Топелиус был одним из ведущих финляндских историков и географов (он преподавал историю и географию в крупнейшем университете страны в Хельсинки, был его ректором). Его называли финским Вальтером Скоттом и Андерсеном: он являлся автором нескольких десятков исторических романов

о финской истории и многократно издававшихся сказок, стихотворений и поэм. Свои политические взгляды и патриотические идеи он излагал на страницах популярной хельсинкской газеты “Helsingfors Tidningar” (в 1843–1866 гг.), там же печатал свои новые повести, рассказы и поэмы. Весьма значительную роль Топелиус сыграл в разработке реформы системы финского образования и в создании школьных программ; его перу принадлежат книги для чтения, учебники и хрестоматии для начальной и средней школы по истории, географии и родоноведению. Почти все сочинения для детей и художественные произведения Топелиуса сразу же переводились на финский язык. Влияние Топелиуса на финляндское общество (как на шведо-, так и на финноязычную его части) и складывающуюся идентичность осуществлялось во всех областях духовной жизни.

Велика заслуга Топелиуса в изучении географии Финляндии – ее ландшафта, климата, природных богатств и народонаселения⁴, он открыл чтение университетского курса географии края. В сущности, он был первым в Финляндии, кто предпринял попытку осуществить ее описание с учетом новейших научных изысканий (прежде всего Ф. Ратцеля и К. Риттера) в этой области. География, история и литература расценивались Топелиусом как важнейшие средства формирования народа/нации и репрезентации страны и ее культуры за рубежом. Поэтому научно-популярные книги Топелиуса, представлявшие природу и культуру Финляндии, – такие как “Старая прекрасная Финляндия... в рисунках”, “Путешествие по Финляндии” и другие – переводились на европейские языки, в том числе и на русский⁵.

Одно из первых сочинений о Финляндии – стране и народе – было написано Топелиусом в качестве комментария к альбому из 120 литографий и гравюр с картин шведских и норвежских художников по заказу книгоиздателя А.К. Омана “Старая прекрасная Финляндия, представленная в рисунках” (“Finland framstäldt i teckningar”, 1845–1852). Для него Топелиус написал очерки о природе, статистике, истории и этнографии Финляндии. Сама по себе идея такого географо-этнографического описания не была оригинальной, книга создавалась по шведскому образцу (в 1840 г. в Стокгольме был издан альбом “Sverige framstäldt i teckningar”). Топелиус был знаком с его автором Г. Меллином и при написании своих текстов, очевидно, руководствовался опытом шведского ученого.

Спустя двадцать лет в свет вышло новое аналогичное иллюстрированное издание с текстом Топелиуса “Путешествие по Финляндии с подлинными картинами” (“En resa i Finland (efter

originalteckningar av finska konstnärer)”, 1873), который обновил свой ранний очерк в соответствии с новым комплексом из 36 литографий по просьбе издателя Тильгмана. Предполагалось, что “Путешествие” будет интересно прежде всего европейскому читателю, поэтому сразу же были осуществлены переводы на английский, французский, немецкий, а также финский и русский языки (вышли в 1875 г.).

Те же сведения легли в основу изданной в 1875 г. на шведском и через год переведенной на финский язык детской книги для чтения “Наш край” (в шведском оригинале “Vårt land”, или “Boken om vårt land”, в финском переводе “Maamme”, или “Maamme kirja” – “Наш край”, или “Книга о нашем крае”⁶). Двадцать лет спустя, еще при жизни З. Топелиуса, на нескольких языках вышла богатая иллюстрированная энциклопедия о Финляндии “Финляндия в XIX столетии” (издана на русском языке в 1894 г.)⁷. Она представляла историю и достижения Финляндии в составе Российской империи во всех областях жизни и включала более 300 иллюстраций, в том числе литографии и репродукции картин всех выдающихся финляндских художников. В ней перу Топелиуса принадлежало два главных очерка о природе и народе Финляндии. Они были скомпилированы из его ранних работ, написанных в жанре путешествий. Все указанные сочинения Топелиуса тяготели к жанру географо-статистических описаний *популярного* характера (о последнем свидетельствует язык сочинений и структура изложения), а обильное включение иллюстраций (по большей части черно-белых литографий) сближает их и с так называемыми живописными путешествиями, мода на которые восходит в Европе к концу XVIII в., – в них текст и изображение дополняли друг друга⁸. Так или иначе, сочинения З. Топелиуса о Финляндии и финнах выполняли задачу репрезентации страны для европейского, финского и русского читателя на протяжении полувека, что дает возможность проследить ее ключевые темы и выявить особенности описания Топелиусом страны и народа на этапе формирования финской национальной идентичности.

На основании изучения трех научно-популярных сочинений⁹ Топелиуса – “Путешествия по Финляндии”, “Maamme” (“Наш край”) и глав в “Финляндии в XIX столетии”¹⁰ – мы: 1) проанализируем особенности и преимущества приема виртуального путешествия в его географо-этнографических описаниях Финляндии; 2) рассмотрим роль и соотношение текста и иллюстраций в этих репрезентациях; 3) исследуем отличительные черты географического и этнографического описаний, осуществленных в жанре путешествия. В центре внимания будет находиться вопрос о том,

как избранная Топелиусом форма изложения влияла на представление о типичном финском ландшафте и финском национальном характере, которые, в свою очередь, декларировались им в качестве объективно-научных фактов. Это важно потому, что в период формирования образа финнов в качестве этноса и в качестве нации З. Топелиус являлся главным “конструктором” финской этнической идентичности наряду с главным национальным поэтом Финляндии Й. Рунебергом: “Финляндия как нация строилась вокруг идеи о финской национальной сути, предложенной Рунебергом”¹¹, а “Топелиус обладал практически полной монополией на формирование взглядов молодого поколения”¹². Как убедительно показано финляндскими и российскими исследователями, если Рунеберг “выявил” основные черты природы и народа Финляндии, то Топелиус в процессе “объективного” описания развил и детализировал их, в итоге создав такой комплекс черт и свойств финского национального характера, который (благодаря его усилиям как педагога-просветителя) уже в конце XIX – начале XX в. стал восприниматься самими финнами как верное и аутентичное выражение их “суть” и автостереотипных представлений¹³. Затронут будет также вопрос о том, в какой степени репрезентации Топелиуса повлияли на российские характеристики финнов и Финляндии в реализованных проектах полных географо-статистических описаний Российской империи.

ЖАНР ГЕОГРАФО-СТАТИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ

Географо-статистические описания становятся одним из основных жанров географических сочинений в Европе в XVIII в.¹⁴ Их целью была подробная каталогизация всех ресурсов государства или отдельных его регионов; они включали сведения по физической и экономической географии, демографии, с непременно приложением карт, статистических обзоров, планов городов и т.п. Авторам вменялось в обязанность не аналитическое исследование, а представление всей известной информации по строго определенному плану. Создание таких фундаментальных трудов инициировалось, как правило, государством и требовало объединения усилий ученых разных специальностей, а также военных топографов. Образцовым считался немецкий опыт¹⁵. В работах немецких “статистиков” впервые появляется и понятие “народоведения” как одного из обязательных объектов данного вида описаний¹⁶. Эти подробные географические обзоры с этнографическими данными (этнография вплоть до 1870-х годов рассматривалась как

отрасль географии) выполняли как научные, так и прикладные – военно-стратегические и экономические – задачи, их создание также диктовалось необходимостью геополитической интеграции отдельных регионов в единое целое. Описания “своих” территорий, земель и народов являлись столь же актуальными, как и отчеты о заграничных путешествиях. Зачастую в процессе научного освоения собственных территорий оказывалось, что “свои” земли и народы неизвестны и загадочны в той же степени, как и чужие; и даже первичная их “каталогизация” приводила к пересмотру существовавших ранее стереотипов¹⁷.

Со второй половины XIX в. географо-статистические описания обретают новые черты в связи с изменением принципов и задач географии (страноведения): в них усиливается акцент на сугубо этнографической части, описывающей формы быта, деятельности и культуры отдельных “племенных отраслей” и народов. Кроме того, они осуществляются в границах природных областей – ландшафтов, задающих региональное членение пространства. Появляется концепция ландшафта как главной географической единицы с хорошо выраженными естественными границами, которые устанавливаются исходя из естественных факторов¹⁸. Хозяйственная деятельность, антропологический облик, быт и историческое развитие населения определяются ландшафтом и изменяются вместе с ним. Ландшафтный подход в географическом исследовании имел важное последствие. Главные идеи географического детерминизма (зависимость человека от природной среды и доминирование природных факторов над историческими и культурными) обусловили прямолинейность трактовки: человек неизбежно вынужден приспособляться к природе, и формы и привычки этого приспособления диктуют эволюцию сообщества. Поэтому “сами исторические и культурные особенности региона начинали восприниматься как часть “естества”, по мере того как жители края растворялись в окружающем их ландшафте”¹⁹. Такое понимание географии и географо-статистических описаний как разновидности географического исследования было общим для европейской науки 1860–1900-х годов²⁰. Описания Топелиусом Финляндии и финнов осуществлялись в этом русле. При этом он применил концепцию региона/ландшафта в своих географических трудах еще в 1850-х годах (именно тогда обосновывал значимость ландшафтного подхода в географии и П.П. Семёнов-Тян-Шанский), в то время как в Европе она получила повсеместное распространение лишь в 1880-е годы²¹.

“ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ФИНЛЯНДИИ”:
ОТ КОММЕНТАРИЯ К ОПИСАНИЮ

Два сочинения З. Топелиуса, с которыми могли ознакомиться русскоязычные и финские читатели, – “Путешествие по Финляндии” (1873, 1875) и книга для детей “Наш край” (1876) – объединены общим приемом изложения: они строятся как виртуальные путешествия по родной стране, в которых автор выступает в качестве своеобразного гида. Текст “Путешествия” был заказан ему как комментарий к набору из 36 гравюр, которые были связаны между собой лишь объектом изображения (Финляндией), и Топелиус должен был создать стройное повествование, исходя из имеющегося изобразительного материала. В результате он расширил комментарий до полноценного географического описания Финляндии. В нем преобладает принцип иллюстративности в широком смысле: визуальное изображение продублировано словесным описанием, текст каждой из глав строится вокруг сюжета картины. Дескриптивность становится главным принципом повествования: текст Топелиуса не просто изобилует красочными картинками природы или натурными зарисовками из обыденной жизни, а представляет собой мозаику из отдельных картин-глав, в которых впечатление (эмоции) и информация (как объективное знание) существуют на равных.

При написании “Путешествия” автор опирался на свой – впрочем, не очень значительный – опыт реальных путешествий по Финляндии. Он хорошо ее знал (за исключением Лапландии, где не бывал никогда). Ему приходилось часто ездить по Остерботнии/Похъянмаа (откуда он был родом) и Ньюланду/Уусимаа (центром этой губернии был Гельсингфорс, где он жил и работал), т.е. по Западной и Южной Финляндии. Запланированное заранее *путешествие* он совершил лишь однажды – в 1851 г., посетив восточную и центральную части страны²². Однако ко времени написания “Путешествия” Топелиус хорошо изучил научную литературу о Финляндии, читал курсы ее истории и географии. Не все описанные в книге местности он наблюдал воочию, и в отношении некоторых сюжетов и для самого автора “Путешествие” имело умозрительный характер.

Топелиуса, конечно, ограничивали сюжеты иллюстраций. Во введении он сетовал на то, что в ходе основного повествования не может представить сведения о Финляндии в строго упорядоченном, структурированном виде: “Мы будем показывать и объяснять рисунки в том неправильном порядке, как они появляются перед взором читателя, но мы постараемся в конце серии сопос-

тавить рисунки с содержанием так, чтобы могла выясниться их внутренняя связь, и их значение для всего целого выступило бы в лучшем свете”²³. Главы никак не связаны друг с другом, их последовательность определяется иллюстрациями, но она не отражает возможный в действительности маршрут, и поэтому путеводителем служить не может. Это беспокоило автора, неслучайно он сравнивал “наше путешествие” с “причудливым сном”²⁴. Отчасти этот недостаток компенсирован возможностью рассказать о том, что не всегда удастся узнать путешественнику: о быте народа, семейном укладе, истории некоторых обрядов и обычаев, народном творчестве и т.п. Данная информация призвана была не только развлекать, но и просвещать читателя. Таким образом, “Путешествие” обрело характер многоплановой репрезентации: в нем были представлены литографии полотен крупных финляндских художников, причем новейших; сюжеты их давали возможность “увидеть” пейзажи и народные типы края; текст предоставлял максимум информации об изображении, растолковывая детали и их скрытое для неискушенного зрителя значение, а также повествуя о том, что необходимо и полезно знать в связи с сюжетом картины (например, о биографии художника, истории города или племени, о геологии, этнографии и т.п.).

Топелиус в “Путешествии” берет на себя роль проводника; при этом он описывает то, что изображено на картинах, и поясняет каждое изображение. Автор подчеркивает свою посредническую роль в отношениях между зрителем/читателем и изображением/описанием: визуальный и вербальный ряды не только дополняют друг друга информационно, но и позволяют создать максимально правдивое, объективное впечатление: “Читатель, хочешь ли ты следовать за нами по суше и воде? Мы отдадим Финляндию во власть кисти и резца; во власть глаза и мысли; мы присовокупим ее – сколько позволит искусство – к Европе и человечеству... Из обмена впечатлений выйдет наконец законченная картина, которая из целого получит свое правильное освещение”²⁵. Ключевые слова – “обмен впечатлений” и “правильное освещение” – раскрывают соотношение словесного и зрительного рядов: литографии с картин профессиональных живописцев (пейзажи, портреты и жанровые бытовые сценки, выполненные еще не в реалистической манере²⁶), сопровождаемые текстом Топелиуса, позволяли объединить эмоциональное восприятие с комментариями ученого наблюдателя. Такое понимание репрезентации “своего” характерно для периода конструирования национальных идентичностей в XIX в.²⁷

Автор стремился также соединить отвлеченные, общие сведения с конкретикой повседневной действительности: “Мы будем

часто иметь случай передавать много различных сцен, представляющихся взору путника в этих лесных местах”²⁸. Он постоянно апеллирует к личному опыту, чтобы, во-первых, приблизить читателя к описываемому объекту и, во-вторых, чтобы создать иллюзию сиюминутности впечатлений. Как казалось в ту эпоху, такая непосредственность, “свежесть” впечатлений была подтверждением большей объективности наблюдателя²⁹. Некоторые фрагменты текста представляют собой небольшие новеллы или сказки. Так, в кратком введении Топелиус свободен в выборе формы повествования, и потому он строит его как обращение к читателям, включая в него “сказку” собственного сочинения о том, как Финляндия – “беднейшая и более всех забытая дочь” Владыки Океанов и Европы – не получила от родителей тех даров природы, которыми награждены были другие, а лишь “свет в длинные месяцы”, “алмазы из чистой воды” и “укрепленное жилище близ моря”³⁰. Любопытно, что Финляндия в сказке выступает в качестве родной сестры других детей, среди которых перечислены Испания, Греция, Италия, Германия, Франция, Англия, Швеция, Норвегия, Дания и Россия (получившая в качестве “дара” пшеницу)³¹. Необходимо подчеркнуть, что Финляндия – в отличие от всех перечисленных “сестер” – единственная никогда не имела государственной независимости, однако это не мешает Топелиусу рассматривать ее как равную другим.

ВИЗУАЛЬНОЕ И ВЕРБАЛЬНОЕ В “ПУТЕШЕСТВИИ”

В центре внимания живописцев находятся главным образом Юго-Восточная и частично Западная Финляндия – т.е. наиболее освоенные и развитые в экономическом отношении районы – с видами всех крупных городов-крепостей, небольших местечек и приходов. Среди бытовых сценок – главным образом те, которые воспроизводят наиболее распространенные народные занятия и промыслы – такие, например, как ловля и соленье салакушки, пожога, охота, ярмарка, запрещенное винокурение, а также исполнение рун. Пейзажная живопись призвана познакомить читателей с финской природой, поэтому в “Путешествии” представлены наиболее характерные ландшафты: реки, озера, побережья Финского залива, кряжи, скалы, водопады, гораздо реже – возделанные пашни.

Каждая из глав представляет собой описание картины или рассказ/новеллу по ее сюжету. Из 36 литографий “Путешествия” 14 – это виды крупнейших финских городов и замков, 6 – пейзажи, а остальные представляют традиционные занятия в различных ре-

гионах страны или народные типы. Топелиус стремится дать максимум информации географического, исторического и этнографического характера, связанной не только с непосредственным изображением и с общей “темой” главы, которую он избирает вне четкого плана. Изображение, таким образом, становится еще и поводом для изложения разнообразных сведений.

Например, на картине “По дороге в церковь” (худ. Р.В. Экман) запечатлена “дорожная сценка”: едущий по деревенской дороге в одноколке крестьянин остановился, чтобы перебраться парой слов с нарядно одетой молодой четой. Название картины указывает, что муж и жена направляются в церковь. Топелиус строит описание картины как рассказ “из жизни”. Он задает время действия – Вербное воскресенье. По внешнему виду крестьян и деталям костюма он “определяет” их происхождение и место проживания, наделяет персонажей конкретными чертами характера – причем отражающими социальный и региональный финский типы (это зажиточные крестьяне из прихода Яскис, отличающиеся “упрямством” и высокой самооценкой). Крестьянина в повозке он представляет как “карельца” (карелам присуща тяга к торговым операциям и нежелание заниматься тяжелым физическим трудом), едущего в Петербург продавать меха и бумагу (типичные предметы народного промысла в этом регионе). Автор подробно описывает праздничную одежду молодоженов как этнограф-специалист (с использованием специальных научных терминов и диалектных наименований элементов костюма). Он передает содержание разговора (о ценах на продукты в столице). Так бытовая зарисовка Экмана, мало что говорящая человеку, незнакомому с Финляндией, приобретает конкретную “историю” и “обрастает” полезной информацией.

Повествование, построенное вокруг сюжета картины “Окрестности Вазы” (худ. А. фон Беккер), на которой изображена семья шведских крестьян, возвращающихся с полевых работ, более подходит на этнографический очерк о шведах Финляндской Приботнии. Топелиус рассказывает об истории их расселения и областях компактного проживания в стране, о формах земледелия в данном регионе, об отношениях в семье – о распределении хозяйственных обязанностей, о выборе супруга и свадебной обрядности, о положении женщины, о высокой смертности детей и т.п. Причем все факты даются им в сравнении с соответствующими традициями финнов.

В описаниях пейзажей Топелиус более лиричен, в нескольких случаях читателю предлагаются своеобразные стихотворения в прозе, но и это не отвлекает автора от главной цели: излагать

научные факты и полезные сведения. Так, глава “Вид на провинцию Саволакс” (худ. Б. Линдхольм) начинается как поэтическая миниатюра о раннем летнем дне: “Мальчик-пастух поет веселую песню, каждый звук, свежий, как щебетанье птиц, раздается на опушке леса. ...Черный дрозд в роще считает также долгом им вторить...”³². Но затем автор обращает внимание зрителя на молодую сосну на переднем плане картины. Он определяет, что она наклоняется к юго-западу. Далее следует текст, содержание и стиль которого соответствует эталонам детских “книг для чтения”: “Отчего мы знаем, что она клонится туда? Оттого, что все хвойные леса в Финляндии – надежнейшие компасы... Южная часть древесных стволов узнается по обилию крепких и далеко раскинувшихся ветвей с более густыми иглами, тогда как восточные и западные стороны представляют слабейшую растительность, а северная или слабо обрастает, или совсем обнажена”³³. Далее он подробно рассказывает, как по углу падения солнечных лучей на данной географической широте (поскольку географические координаты Саволакса известны), определить, в какой месяц лета и время дня, с точностью до часа, написана картина Линдхольма. Таким образом, один из самых лиричных видов в “Путешествии” максимально полно использован автором: он предлагает и стихотворение в прозе (которое вполне может быть использовано в учебнике по родному языку и литературе), и приводит сведения о природе конкретного региона страны, а также указывает простые способы ориентации в пространстве и времени.

Описание бытовой сценки “Кузница вблизи Або” (худ. Беккер) строится как новелла. На картине изображен интерьер кузницы, работающий у горна хозяин и его подмастерье, беседующий с человеком явно городского происхождения. Кузнец благодаря Топелиусу обретает имя и биографию, в повествование о его жизни искусно вплетаются сведения о древности кузнечного дела у финнов с цитатами из “Калевалы”, с сюжетом картины автор связал свой рассказ о работе Беккера над картиной “с натуры” и об отношениях художника с ее главным персонажем.

Подробная и научная (с датами, именами правителей, характеристиками по периодам и т.п.) история страны представлена исключительно в описаниях картин с изображениями городов (замков). Важно отметить, что главным образом это история Финляндии в составе Швеции, с акцентом на политических событиях и войнах. Эти главы могли бы составить учебник по истории страны. При этом описания природы и племен, составляющих нацию, явно преобладают над рассказами о прошлом, которые в повествовании всегда связаны с конкретными точками пространства.

Отчасти это объясняется взглядами Топелиуса на эволюцию финского народа-нации: он считал, что до создания Великого княжества Финляндского финский народ не имел истории и для него она началась в 1809 г.³⁴ Потому исторические достижения края расценивались Топелиусом как довольно скромные.

В “Путешествии”, таким образом, Топелиус стремится использовать жанровую форму для максимально полного информирования читателя/зрителя. Трудно однозначно ответить на вопрос, какая роль кажется автору более значимой. Он и любопытный эмоциональный наблюдатель, стремящийся получить разнообразные впечатления, и дотошный исследователь, нацеленный на фиксацию фактов, деталей, на их объяснение и классификацию.

Если бы “Путешествие” предназначалось только для финляндского читателя, оно вполне могло бы именоваться, например, “Картины Родины”. Топелиус, видимо, именно так и понимал свою задачу, потому что одновременно с текстом “Путешествия” дорабатывал одно из самых известных и популярных своих произведений – “Наш край”, или “Книгу о нашем крае”³⁵.

“НАШ КРАЙ”.

ЖАНР ПУТЕШЕСТВИЯ В УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ

Эта книга выдержала более в Финляндии более 70 изданий и вплоть до 1940-х годов являлась школьным учебником. В ней воплотилось жанровое разнообразие, характерное для творчества Топелиуса в целом: поэтические описания природы сменяются научными характеристиками ландшафта, новеллы о приключениях финских эпических героев соседствуют со сказками самого Топелиуса и с пересказом преданий “Калевалы”, вполне научный исторический очерк Финляндии содержит красочные рассказы о биографии и деятельности финских поэтов, просветителей и общественных деятелей.

Название книги для детей – “Vårt land”/“Maamme”/“Наш край” – призвано было углубить и расшифровать понятие Отечества, сформулированное в стихотворении (одной из глав поэмы “Рассказы прапорщика Стооля”) национального финляндского шведоязычного поэта Й. Рунеберга и ставшее текстом одноименного финляндского гимна (1846)³⁶. В нем дано главное поэтическое определение образа Финляндии, которое и сегодня остается визитной карточкой Суоми: “тысячезерный край”/“страна тысячи озер”³⁷. Стереотип пейзажа – краткая формула финского ландшафта, образ которого восходил к текстам калевальских рун. Ру-

неберг воплотил в гимне и характерную для романтизма идею о соответствии природы “духу народа”: суровый и бедный край населен суровым, мужественным, свободолюбивым, мирным народом: “Наш бедный край угрюм и сер”; “Душа народа здесь цвела / И тяжким вздохом изошла / В давно прошедшие года / Под бременем труда”³⁸.

Топелиус стремился дополнить рунеберговский образ Финляндии объективно-научной информацией о родном крае в форме, доступной детскому пониманию. Поэтому он вновь избрал уже опробованный и хорошо зарекомендовавший себя жанр путешествия. В данном случае это также позволяло объединить текстовые фрагменты разного стиля, что облегчало восприятие информации детьми. Следует отметить, что использование жанра виртуального путешествия в детской литературе – особенно в учебниках для начальной школы (в том числе и в книгах для чтения) и в пособиях по географии Отечества и родиноведению – было широко распространено в Европе во второй половине XIX в., к нему активно прибегали и российские педагоги – современники Топелиуса³⁹. Общей чертой этих текстов была их полифункциональность: они могли использоваться в разных целях и для детей разных возрастов, играя при этом значимую роль и в патриотическом воспитании⁴⁰.

Однако задачей автора “Нашего края” было не только дать сведения о природе, истории, литературе и культуре своего Отечества в занимательной форме, но и объяснить причины национального своеобразия, исторический путь Финляндии и ее народа. Идея поступательного развития, обязательного прогресса явно прочитывалась и в стихах Рунеберга⁴¹; не отказался от нее и Топелиус – даже 40 лет спустя⁴². Для воплощения этой идеи в доступной форме ему необходимо было изложить материал таким образом, чтобы выстроилась стройная концепция “финскости”, которая в финляндской культуре лишь начинала обретать стройные очертания. Можно говорить о том, что структура книги отразила эту идею вполне.

“Наш край” состоит из 200 глав, которые объединены в 6 разделов: первый представляет собой развернутый ответ на вопрос “что такое наше Отечество” и включает набор отдельных очерков о природе и быте страны, о ее географическом положении, климате и экономике (1–56), во втором дается этнографическая характеристика народов Европы (финно-угорских), а также указаны отличительные особенности этнического состава населения Финляндии по регионам (57–94), специальный раздел посвящен пересказу основных сюжетов “Калевалы” (95–112), а в заключитель-

ных трех разделах описана история страны на трех исторических этапах: “времена католичества”, “времена войн” и современная история. Рассмотрим первые два раздела.

Открывается книга вопросом мальчика о том, что есть его дом и что такое Отечество. Этот вопрос – лейтмотив повествования. Ответ очевиден: “наша страна – это наш большой дом. ... Вся земля, которую ты видишь, и еще дальше – это все Суоменмаа. ... Эта земля наша, потому что это страна отцов, которую мы, их дети, получили в наследство”⁴³. Пространство Отечества представлено как совокупность различных регионов, с разнообразием ландшафта, климата и народного быта. Принцип разграничения регионов – географо-этнографический, автор обосновывал его так: “Разделение Финляндии на области... совпадает с естественными границами долин и с размещением в них различных групп населения, области эти имели первоначально административными центрами средневековые замки”; совпадает это разделение и с границами губерний в XIX столетии⁴⁴. В отличие от “Путешествия” в “Нашем крае” больше внимания уделено истории страны; значительно подробнее описан каждый из девяти регионов/губерний края. Избранный Топелиусом региональный принцип описания был признан европейской географической наукой того времени наиболее эффективным. В 1880-е годы, как указывает М. Лоскутова, национальные географические школы в Европе отличало то, что они «определяли географию как страноведение – науку, изучавшую не объекты, но отношения объектов в пространстве, понимаемом как “мозаика” отдельных областей»⁴⁵. Не случайно Топелиус использовал термин “ландшафт” не только в географическом и художественном значении, но и как синоним термина “регион”⁴⁶.

Природный ландшафт не только определяет принципы деления на регионы и корректирует этническую классификацию, но и задает параметры описания. Природные факторы обусловили, как настойчиво подчеркивает автор, историческое состояние Финляндии, характер и занятия ее жителей: “В ее северном положении, ее горном основании и ее появлении из моря лежит ключ к ее культурной истории”⁴⁷. В повествовании о природе и климате страны, в классификации и объяснении отличительных особенностей ландшафтных комплексов и зон Топелиус продемонстрировал знание географических трудов европейских ученых; популярный характер изложения придавал этим сведениям характер географического курса, небесполезного даже для специалистов⁴⁸. Одной из центральных тем в первых разделах “Нашего края” стал вопрос о типе – природно-ландшафтном и этническом.

В ПОИСКАХ ТИПА И ТИПИЧНОГО

Одной из наиболее сложных в методологическом и идеологическом отношении проблем, возникавших в процессе описания Отечества в период становления национальной идеологии, стало определение национально-типичного. Стремление выявить и обозначить типичный ландшафт и особенно этнонациональный тип, выражающие историческое постоянство и преемственность, неизменные во времени черты и качества народа, осложнялось отсутствием четкого определения типичного. Если в географии 1850-х годов, в частности применительно к понятию типа ландшафта, и в физической антропологии 1880-х годов существовали вполне обоснованные критерии его выделения, то в рассуждениях о национально-типичном в целом конкретные признаки выделены еще не были. Оно могло пониматься и как наиболее распространенное, и как отличительно-характерное⁴⁹, а также в более общем виде – как “предмет или лицо, характерное по своим признакам для ряда предметов и лиц”⁵⁰. Именно последняя трактовка термина чаще всего использовалась в рассуждениях о национально-типичном. Без обоснования черт и степени общности нельзя было ответить на вопросы, какой диалект “выбрать” в качестве основы для литературного – национального – языка, какой ландшафт считать наиболее характерным, какой этнос/народ государства или края считать нациообразующим и т. п. Это было сложно сделать не только в полиэтнических государствах, но и тогда, когда народ не имел государственности, но осознавал себя как этнокультурную общность при наличии явно выраженных региональных этнических особенностей. Определение или, точнее, конструирование национально-типичного осуществлялось разными путями⁵¹. Выбор зависел от уровня развития науки, от убеждений и вкусов национальной интеллигенции, а также от сложившегося в период этнографического романтизма “набора” метафор, образов и клише “своего” и “чужого”.

Во второй половине XIX в. бесспорными при определении типичного ландшафта и этнического типа региона (области, страны, края) представлялись два фактора: а) воплощением национально-го типа характера считался представитель народа, в аграрном обществе это был крестьянин, и как следствие б) типичный пейзаж связан был с природным окружением сельского труженика, ассоциируясь с негородским природным пространством – как освоенным человеком (поля, пастбища, селения), так и неосвоенным (лес, реки, озера и т.д.). Как правило, на воплощение народно-го или национального типа “претендовали” этнические группы,

исторически связанные с “признанным” типичным ландшафтом, или те, которые рассматривались как менее всего затронутые влиянием цивилизации и сохранившие древние устои и традиции⁵². Несколько иначе протекал этот процесс в полиэтнических государствах или империях: там большую роль играли исторические заслуги народа/этноса в создании государства и его культурном процветании⁵³.

В Финляндии этот процесс (так же, как и в других странах Европы) протекал под воздействием литературных традиций романтизма – и финляндского, и русского⁵⁴. Описанный в рунах “Калевалы”, изображенный в поэзии и публицистике Й. Рунеберга⁵⁵, а также воплощенный в живописи финских художников 1840–1880-х годов⁵⁶ в качестве типичного был определен лесной северный ландшафт, но не центральных, а юго-восточных регионов края, и в частности Карелии⁵⁷. Уже в 1890-е годы этот идеализированный образ финского пейзажа сыграл важную роль в формировании идеологии так называемого “карелианизма”⁵⁸.

“Избрание” национально-племенного типа, главные отличительные признаки которого связывались с антропологическим обликом и характером, в отношении финнов было осуществлено Топелиусом в соответствии с представлениями эпохи. Однако если относительно ландшафта Топелиус разделял мнение соотечественников, но в обобщенном виде (“Горы и воды – вот Финляндия!”⁵¹, или “...какова страна, таков и народ – в глубине заложен гранит, на поверхности шумят темные леса”⁶⁰), то в определении национального типа он не только стал первопроходцем, но и оказал существенное влияние на представления финнов о самих себе и стереотипы восприятия их другими.

Топелиус употреблял термин “народ” не только как синоним понятий “крестьянство” и “этнос”. Неоднократно подчеркивая этническую неоднородность финского народа в Финляндии, состоявшего “из двух родственных и одного иноплеменного элементов”⁶¹ – карел, тавастов и шведов, он говорит о нем и как о народе-нации, сплоченном общими гражданскими свободами, правами, законами и собственным управлением в рамках иноплеменного государства. Важнейшим критерием выделения нации является не государственность, а общность истории и политических традиций. Ссылаясь на Александра I, первым употребившего термин “нация” в отношении финнов (в 1809 г.), он и начало исторического пути финской нации возводил к этой дате⁶². “Все люди, живущие в Финляндии, даже если они говорят на разных языках, являются сынами и дочерьми страны (живут на одной земле, имеют общие законы и правителей)”⁶³, – подчеркивал он. – Их

объединяет их патриотизм, законопослушание и общее счастье и привилегии”⁶⁴. Главные достоинства нации Топелиус связывал со свободой, порядком и правом: “Недостатки и у нас могут быть, и их может быть много, но у нас, к счастью, есть свобода и законопослушание, а также порядок и право (законность). За такое счастье мы должны быть благодарны общественным установлениям, правительству, а также спокойному, законопослушному народу. Финское общество выросло из корней шведского, но дух финского народа придал ему жизненную силу”⁶⁵.

В Финляндии XIX в. большую роль во всех областях жизни продолжали играть шведы (теперь их принято называть шведоязычными финнами), но избрать этот этнос в качестве типичного, т.е. нациеобразующего, романтик-феннофил Топелиус не мог; так же в силу очевидных причин на эту роль не могли претендовать и лапландцы (лопари). Поэтому истинно финский тип необходимо было искать среди двух “главных” и наиболее древних финских племен: карел и тавастов. Его выбор обоснован численностью: “Чисто финское народонаселение значительно многочисленное, потому-то именно оно и дало нации ее общие характерологические черты и наружный тип”⁶⁶. Описывая народ “в этнографическом значении”, Топелиус называет в качестве наиболее древнего населения Финляндии два финских “родственных народа”: карел “в восточной части” и тавастов⁶⁷ (шведское название, финское – хяме, хямяляйсет, в русской летописной традиции – емь, ямь) в “южной и юго-западной части края”, которые до шведского завоевания находились “в постоянной борьбе между собою”⁶⁸. “Настоящий финский народ” существует только со времени “соединения” этих племен языком и узами крови в XIV в., “когда они подчинились одному правлению, одной церкви, одним законам, одному отечеству”. Топелиус указывает на исторические корни и самобытные традиции и других финно-угорских этнических групп: лопарей (саамов), саволайсет, еврейсет и др.

ТОПЕЛИУС О ФИНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Многие страницы “Путешествия” и вторая часть книги для детей посвящены характеристике народа. В описании материальной и духовной культуры различных (не только финских) племен, населяющих Финляндию, значительное место занимают рассуждения Топелиуса о финском национальном характере – нраве народа. Идея существования особого комплекса умственных, нравствен-

ных и психических черт, составляющих неповторимую “физиономию” народа, его характер, “нрав”, господствовала в культуре эпохи. Она являлась важной составной частью концепции географического детерминизма и – позже – антропогеографии, согласно которым национальный характер был обусловлен природными факторами и являлся одним из объективно-научных признаков народа/этноса⁶⁹. Вопрос об особенностях финского нрава занимал многих финляндских соотечественников Топелиуса в первой половине XIX века⁷⁰. Но Топелиус пошел дальше их: он выявил отличительные особенности финских племен, установил историю их формирования, структурировал и иерархизировал качества характера каждого из них⁷¹, выбрал “типичные” и охарактеризовал финский народ как нацию в целом. Кроме того, он создал собирательный образ типичного финна и – что особенно важно – осуществил это в жестких рамках научного описания, объяснив физические (антропологические) качества и нрав воздействием климата и истории: “Не надо отделять характер ландшафта от характера фигур...”⁷².

Народный нрав трактовался в духе времени как врожденное качество: “Характер народа – это печать, которую мы несем от рождения... И эту печать каждый несет с собой, где бы ни находился”⁷³. Его отличительные черты, в согласии с бытовавшими научными представлениями, зависели от “природы, судьбы и традиции”, наложивших на “финский народный тип общий отпечаток, который, при всех изменениях этого типа внутри страны, тем не менее бросается в глаза иностранцу. Такими общими характерными чертами финского народа являются: закаленная, терпеливая, пассивная энергия, покорность судьбе и стойкая выдержка, нередко переходящая в упрямство, медлительный ход мышления, обращенный к внутренней, духовной стороне, нескорый, но тем более страшный и чрезмерный гнев... склонность выжидать, откладывать решение и жить изо дня в день... привязанность к старому; его умственные дарования нуждаются в импульсе...”⁷⁴ и т. п.

Топелиус, описывая народный характер финнов в соответствии с уровнем развития этнографии своего времени, иногда высказывает идеи, более соответствующие этнографии эпохи романтизма, нежели представлениям об этносе в современной ему географической науке. В частности, он указывает, что чем менее благоприятны природные условия, тем трудолюбивее народ и тем больше у него возможностей сохранить патриархальные “добрые нравы”; жители севера всегда более замкнутые, спокойные, суровые и молчаливые, нежели представители южных народов; умственные дарования понимались как быстрота реакций, “живость”

и словоохотливость⁷⁵. “Только старательный, упорный, трудолюбивый и выносливый народ смог выжить в этой стране”, – неоднократно утверждал Топелиус⁷⁶. Финский народ – терпеливый, жертвенный, выносливый и жизнестойкий, мирный, мужественный, но очень упрямый (своенравный). Верный и преданный, он отличается медлительностью, но любит учиться⁷⁷.

Необходимо отметить, что описание народного нрава, предлагаемое автором в тексте виртуального путешествия по родной стране, предопределяет особенности функционирования подобных этнопсихологических характеристик. Во-первых, они помещены в наиболее типичный для них контекст: путешественник-наблюдатель фиксирует отличительные свойства увиденных им общностей. Согласно распространенным представлениям, он в состоянии различить конкретные и типические свойства, а акт осознанного или неосознанного сравнения со “своим” позволяет зафиксировать отличительные черты⁷⁸. Следовательно, выходит, что описывающий – т.е. Топелиус – имеет реальный опыт наблюдения и указывает признаки народного финского нрава, опираясь на действительность. Это, в свою очередь, придает его описаниям дополнительный статус “объективности”. Критерии, по которым автор отличает одну этническую группу от другой, им отмечены: это Регион, т.е. географическое деление задает этническую классификацию. Во-вторых, представления об этничности, в свою очередь, влияют на восприятие нрава как одного из признаков этнической принадлежности, что позволяет и автору, и читателю весьма широко интерпретировать причинно-следственные взаимосвязи отдельных элементов этноса. В-третьих, для читателя Топелиус – “свой” ученый, изучающий Родину. Отсюда подсознательная уверенность в его научном знании “истины” и способности высказать ее без искажения. Впрочем, и иностранный читатель воспринимает Топелиуса как специалиста по Финляндии.

Форма путешествия в “Нашем крае” и в “Путешествии” также дает автору возможность свободно переходить от научного описания к новеллам и вставным сюжетам, ведь очерк о проделанном пути вполне допускает пересказ беседы или запись услышанного рассказа. Автор прибегает и к часто использовавшемуся в этнографической литературе того времени приему для описания народного этнического типа: он создает обобщенный образ финского крестьянина – земледельца Матти, имя которого стало нарицательным благодаря Топелиусу. Он вводит в текст книги для детей притчу собственного сочинения о трех рабочих: русском Иване, шведе Эрике и финне Матти⁷⁹. Матти “создан для того, чтобы убирать камни с поля”. Облик его неказист, но у него есть важные

качества – упорство и выдержка. Далее следует очень подробное описание Матти – его внешности, темперамента, конкретных случаев из жизни, рассказы о труде и привычках, отношениях с людьми, быте и т.п. При этом образ Матти строится как описание реального лица, с которым знаком и рассказчик, и читатель.

Нрав финского народа “в этнографическом значении” представлен Топелиусом в двух вариантах: карельском и тавастландском, которые даны в сравнении. Эти народы, по мнению Топелиуса, отличны друг от друга внешностью и нравом, воплощая мрачную (тавасты) и светлую, “солнечную” (карелы) стороны финского народа. Карелы веселые, подвижные, открытые, впечатлительные, любят песни; они говорливы и склонны к коллективному труду, но более непостоянны⁸⁰. К достоинствам тавастов он относит силу и трудолюбие, выдержку, выносливость и терпение, а также свободолюбие, неприхотливость, добросовестность и честность⁸¹. Их особенности – “серьезно-задумчивый нрав и медленность понимания, от чего и происходят главные пороки и недостатки народа”⁸², среди которых угрюмость, молчаливость, неповоротливость, медлительность, упрямство⁸³. Если карелы – “собственно культурный народ Финляндии”⁸⁴, они воплощают душевные качества финского народа, выразившиеся в песнях калевальского эпоса, то тавасты символизируют физическую суть финна, его волю, дух и склад. Сравнение нрава карел и тавастов убедительно показывает, что типичный финн – это хяме/таваст. СобираТЕЛЬный образ финского крестьянина Матти в книге о “Нашем крае” также выдает в нем таваста, а не карела. Но однозначное утверждение об этом Топелиус делает только на склоне лет, в очерке для “Финляндии в XIX веке”: “Тавастландец образует собой основное ядро... национального типа, получив от него наиболее характерные свои черты”⁸⁵, “его умственные дарования нуждаются в импульсе, он трудолюбивый, законопослушный, свободный, но упрямый, консервативный и медленный”⁸⁶.

Иначе говоря, в своей характеристике финского характера Топелиус отходит от концепции, которую разделял, в частности, Рунеберг⁸⁷, что этническая группа, проживающая в регионе с признанным типичным ландшафтом, воплощает этнонациональный тип (с обязательным включением характеристики нрава). Он создает более гибкую конструкцию; в определяемой им двойственности залог внутренней (народные традиции) и внешней устойчивости (опыт сотрудничества/сопротивления шведам и русским собственного сочинения), а также процветания народа-нации и страны в будущем.

Необходимо подчеркнуть, что подобные характеристики народа – как в европейской и в российской этнографии этого времени – не были связаны с традиционными, крестьянскими представлениями о “своих” и “чужих” или с какими бы то ни было этническими самоопределениями, а являлись интеллектуальным конструктом элиты общества, в данном случае – иноэтничной. Остается не проясненным вопрос, в какой степени описание финского национального характера Топелиусом – основополагающее для самоидентификации финского народа в XIX–XX вв. – было обусловлено его (Топелиуса) этнокультурной принадлежностью. Другими словами, в какой мере образ финна в творчестве Топелиуса отражал взгляды шведоязычного образованного сообщества, а в какой являлся типичным для представителей феннофильского движения в целом. В финляндской историографии преобладает вторая точка зрения⁸⁸.

Следует заметить, что Топелиус, которого представители младшего поколения финских патриотов упрекали в приверженности устаревшим идеалам романтизма, монархизма и в русофилии, не касался негативных последствий российского господства, напротив, вхождение Финляндии в состав России трактовалось им как начало периода благоденствия и пробуждения финской нации. Но при этом – формальном – признании своей страны частью Империи, Финляндия выступает у него как *страна*, автономная пространственная и политическая единица, с зафиксированными стабильными границами, правовой и исторической самобытностью. Такое понимание особенности финляндского статуса до 1890-х годов было характерно для многих феннофилов⁸⁹.

Жанр виртуального путешествия с просветительскими целями требовал от автора/гида не предположений и вопросов, а констатаций и ответов. Согласно представлениям о путевом описании, наблюдатель фиксирует известное, увиденное и услышанное. “Хороший” путешественник непременно указывает на источник излагаемых им сведений: “видел собственными глазами”, “говорят”, “все знают, что...”. У Топелиуса автор выступает в роли проводника, следовательно, все им сообщенное обретает значимость реально существующего и непременно доступного взору путешественника. Гид, ученый и путешественник (наблюдатель) (т.е. знающий, видящий и слушающий) едины в его лице. Закрепляя за ландшафтом и за жителями региона статус типичного, он, во-первых, декларирует научную объективность таких определений и, во-вторых, косвенным образом подтверждает их очевидность в процессе визуального освоения/внешнего наблюдения. Послед-

твия этого вполне предсказуемы. Любопытной иллюстрацией здесь могут служить, например, записки о путешествиях по Финляндии А.В. Елисеева. Он родился и провел детство в Финляндии, неплохо знал историю, природу и обычаи края, в юности совершал длительные путешествия по стране. Между тем в рассказах о них Елисеев старательно воспроизводит классификацию финнов и описания нравов этнических групп, приведенные в “Путешествии” и в “Финляндии в XIX столетии”⁹⁰. Топелиус утверждал, что отличия тавастов и карел в характере весьма значительны и бросаются в глаза, и Елисеев стремится увидеть то, что следует: “Даже своими неопытными глазами мы видели разницу, существующую меж карельским населением Приладожья и тавастами Саволакса. Мы знали, что те и другие представляют настоящих финнов...”⁹¹. Важно, что здесь автор допускает фактическую ошибку, “обнаружив” тавастов в регионе, где их нет. Область Саволак (Саво) населена была представителями этнической группы саволайсет, родственной карелам. Топелиус подробно объясняет это в книге “Наш край”⁹², которая, Елисееву, видимо, не была известна. На эту аберрацию восприятия путешественников, описывающих чужие земли, указывает П. Куприянов: они “не замечают нетипичного поведения своих героев... не воспринимают какие-то фрагменты реальности как противоречащие его представлениям”⁹³.

ХАРАКТЕРИСТИКА НРАВОВ ТОПЕЛИУСОМ И РОССИЙСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ ФИННОВ

Идеи о характере народа в духе “психической этнографии” разделяли и развивали в своих трудах российские историки, географы, этнографы и антропологи второй половины XIX в. Нравоописания народов являлись обязательным элементом этнографических обзоров, которые, в свою очередь, включались в научные издания энциклопедического характера (почти все – многотомные), призванные дать максимально полное представление о географии Российской империи и разнообразии быта и культуры населяющих ее народов, – “Народы Земли” (с частью “Народы России” в пяти выпусках), “Русская земля: Сборник для народного чтения”, “Природа и люди”, “Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении” (12 т.), “Россия. Полное географическое описание нашего Отечества” (11 т.), “Русская земля. Природа страны, население и его промыслы. Сборник для народного чтения” (10 т.) и др.⁹⁴ Характеристики народов (этносов), содержащиеся в них,

использовались в научно-популярных текстах по географии России, в хрестоматиях и книгах для чтения в начальной и народной школах, помещались в учебники отечествоведения и отчизно- или родиноведения⁹⁵.

В России второй половины XIX в. географические и географо-этнографические описания Империи являлись важнейшим источником научной и учебной информации об Отечестве. Они составлялись в соответствии с европейскими образцами, к их написанию привлекались специалисты различных областей: географы, антропологи, археологи, историки и этнографы. Фундаментальные многотомные компиляции сведений строились по регионально-административному принципу, их целью являлось наиболее полное описание природного и этнического разнообразия различных регионов государства. Включение географии России в школьный и университетский курсы в 1870-х годах способствовало повышению спроса на книги и очерки о путешествиях по родной стране, а также к созданию многочисленных научно-популярных сочинений, хрестоматий и учебников с обзорами регионов страны и этнографическими очерками о населяющих ее народах. Необходимо отметить, что при описании народов (а этнографические обзоры с очерками народного нрава являлись неслучайной частью всякого географического описания) в качестве объективных и научно равнозначных использовались сведения из географических исследований, фрагменты путевых заметок и путешествий, литературные произведения и т.д.)⁹⁶.

Информация о финском национальном характере, включавшаяся в соответствующие разделы географо-статистических описаний Российской империи, нравоописания финнов в популярной и учебной географической литературе черпались из комплекса сведений о Финляндии и финнах, существовавших в России к 1860-м годам. Представления русских о финнах, отраженные в них и в литературе второй половины XIX века, хорошо изучены⁹⁷. В российской историографии, однако, не рассматривался вопрос о знакомстве российской читающей публики с творчеством Топелиуса⁹⁸.

Анализ изображения Финляндии в российских географо-этнографических трудах, учебной и популярной литературе по отечествоведению⁹⁹ позволяет утверждать, что в них использованы некоторые существенные для взглядов Топелиуса описания Финляндии и финнов, представленные в рассмотренных выше сочинениях. Во-первых, это представление о типичном финском ландшафте и финском этническом “типе”; во-вторых, это классификация племен (“отраслей”) финского народа, и, в-третьих, характеристики своеобразия этнического и национального нрава

двух, с точки зрения Топелиуса, нациеобразующих племен (тавастов/хяме и карел). Не останавливаясь подробно на аргументации данного вывода, отметим лишь несколько фактов.

1. До 1870-х годов (т.е. до появления сочинений Топелиуса) в российской этнографической литературе о финнах не встречается идеи о двух корнях (братьях) финского народа/нации: “Его наиболее крупные и крепкие корни – это два некогда жившие в отдельности, а потом объединившиеся племена – карелы и тавасты (хямяляйсет)”¹⁰⁰. В качестве причин имеющих отличий – особенно в характере народа – указываются: а) природные условия (более благоприятные в Восточной Финляндии способствовали формированию веселого, живого, общительного, доброжелательного и сохранившего руны “Калевалы” карела; суровый климат так называемой Внутренней Финляндии сделал таваста/хяме угрюмым, медленным, молчаливым, замкнутым; б) влияние соседних народов, с которыми контакты тавастов и карел были наиболее интенсивными, – шведов на западе и русских на востоке¹⁰¹. В российских описаниях финнов можно найти текстуальные совпадения с соответствующими фрагментами сочинений Топелиуса. Наиболее характерный пример: “В то время как таваст – настоящий финн – по природе угрюм и мрачен, как и нагорные леса его родины, карел – его родной брат – жив и подвижен, как светлые воды, обильные в его родине, при этом они различаются между собой не столько по типу, сколько по строю характера...”¹⁰².

2. Косвенным доказательством использования наблюдений Топелиуса в российских изданиях могут служить также встречающиеся в них этнонимы. Речь идет о том, что в рассмотренных выше трудах Топелиуса топонимы и гидронимы (ныне всегда дающиеся в шведском и финском вариантах) указываются по-шведски. Жители регионов именовались по местности: финны-тавасты – по называемой по-шведски Тавастланд(ии) с центром Тавастгус(т)е; Финское наименование губернии – Хяме (центр – Хяменлинна), а жители ее – хяме, или хямяляйсет. В русском переводе корректнее было бы или привести финские названия, или упомянуть использовавшийся русский этноним “емь”. Однако перевод осуществлялся со шведского языка, и в нем остался шведский термин “тавасты”. Его использование в русских текстах “выдает” знакомство со шведоязычным оригиналом. В связи с этим важно также отметить, что в заметках, составленных на основании путешествий или опыта личного общения с финнами, термин “тавасты” не используется, авторы предпочитают прибегать к понятиям “финны” или к неправильному использованию слова “чухонцы”¹⁰³ (если речь идет о Петербурге и его окрестнос-

тях). Напротив, в текстах, стремящихся отразить именно научные и “объективные” характеристики народа, всегда указывается на отличительные черты карел и тавастов в финском этнонациональном типе.

Необходимо подчеркнуть, что русские авторы, позаимствовав у Топелиуса концепцию об отличительных качествах карел и хяме, толковали ее по-своему. Топелиус не акцентировал внимание на политическом карельском вопросе, он описывал качества карел в целом, не разделяя финляндских и российских карел (т.е. карел, проживавших, соответственно, на территории Великого княжества Финляндского, а в России – в Олонецкой и Архангельской губерниях). В русских же текстах о финнах и карелах описание их отличительных свойств, напротив, всегда сопровождалось противопоставлением их друг другу. Так в конце века решалась идеологическая задача интеграции российских карел в русскую православную общность¹⁰⁴; веселый и легкий нрав карел, их любовь к сказительству и т.п. объяснялись влиянием православного вероисповедания, благотворным воздействием русификации и вообще близостью с русскими: “Симпатичная, добродушная, со светлыми добрыми глазами фигура карела дышит такой жизнью... в нем нет особенной финской осмотрительности и самоуглубления, напротив, он весь нараспашку, как русский мужик, он легко сходится, приятен в дружбе, не зол... как его сосед-таваст”¹⁰⁵. Это не имело ничего общего с концепцией Топелиуса. Напротив, такое сопоставление было важным для российских авторов и с этнографической, и с идеологической точек зрения.

Кроме того, в характеристике “общезинского” национального характера (или в изображении типичного финна) российские авторы предпочитали составлять компиляции прежде всего из публикаций путевых заметок “своих” – русских путешественников и этнографов¹⁰⁶.

Можно утверждать, таким образом, что прием виртуального путешествия, использованный Топелиусом для репрезентации Финляндии, и прежде всего ее природы и народа, был избран автором для расширения возможностей многопланового научного – географического и этнографического – описания страны. В “Путешествии” структура изложения определяется набором литографий с полотен финских художников, который позволил создать мозаику “картин” Финляндии: пейзажей, бытовых и этнографических зарисовок. Текст и иллюстрации дополняют друг друга, при этом визуальные образы, представленные в “Путешествии”, не тождественны описанию изображения, но передают в точности

ее внешне заметные детали. Это позволяет рассказчику выдавать известную ему информацию за простые выводы из данных, якобы полученных им в процессе беспристрастного наблюдения. Проецируя свое видение племенных особенностей финнов как народа и нации в целом и их племенного своеобразия на описываемый “свой” народ, автор строит описание характера (нрава) народа на сравнении между собой карел и тавастов, с одной стороны, и в целом их сравнении со шведами (в первую очередь финляндскими) и русскими, с другой.

Образ самого автора в качестве путешественника и проводника построен в полном соответствии с жанром путешествий: он объективен, беспристрастен, осведомлен. Любопытно, что Топелиус не упоминает о своей этнической принадлежности, а выступает в роли финна “в значении политическом” (т.е. гражданина и патриота Великого княжества Финляндского). Анализ описания финского национального и племенного нрава Топелиусом и его характеристик в российских этнографических очерках второй половины XIX в. демонстрирует элементы заимствования некоторых положений финляндского ученого.

Восприятие идей Топелиуса в российской этнографии было невозможно без теоретической общности представлений и понимания этноса и этничности финляндской и российской наукой того времени. Границы и различия между этническими группами и между индивидуальным и коллективным поведением до конца не были отражены, что приводило к перенесению психологических характеристик индивида на коллектив (этническую группу) или к конституированию этнического типа в обобщенном образе. Это человеческое измерение, с одной стороны, делало его более понятным читателю, а с другой – выдавало качества народа за индивидуальную присущие и наоборот. В то же время в концепции географо-этнографических описаний господствовал принцип иллюстративности¹⁰⁷. Способ наблюдения был произвольным, описание этноса (и его нрава) не предполагало коммуникативных методов сбора информации; все видимое воспринималось и оценивалось как научно-объективное. Нравописание игнорировало самосознание и самописание этнической группы, т.е. этническая характеристика не включала прямую самоидентификацию объекта исследования и воспринималась как реальность. Отождествление объекта и субъекта наблюдения¹⁰⁸ означало преобразование имеющихся у описателя/наблюдателя образов, представлений и стереотипов в позитивистский факт.

- ¹ *Замятин Д.Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006. С. 39–40.
- ² *Клинге М.* Очерк истории Финляндии / Пер. с фин. Хельсинки, 1995. С. 68.
- ³ *Вихавайнен Т.* Великое Княжество Финляндское – часть государства, но не часть России / Пер. с фин. // Два лика России. Образ России как фундамент финской идентичности / Под ред. проф. Т. Вихавайнена. СПб., 2007. С. 11–26.
- ⁴ *Tiitta A.* *Harmaakiven maa. Zacharias Topelius ja Suomen maantiede.* Helsinki, 1994.
- ⁵ *Топелиус З.* Путешествие по Финляндии. С подлинными картинами А. фон Беккера, А. Эдельфельта, Р.В. Экмана, В. Хельмберга, К.Е.Янсона, О. Клейне, И. Кнутсона, Б. Линдгольма, Г. Мунстрегельма и Б. Рейнгольда / Пер. со швед. Ф. Хеурена. Гельсингфорс, 1875.
- ⁶ *Topelius S.* *Maamme kirja.* Helsinki, 1876; *Topelius S.* *Maamme kirja.* Helsinki, 1981. (Пер. на фин. – П. Каяндер, 58-е изд.)
- ⁷ Финляндия в XIX столетии, изображенная в словах и картинах финляндскими писателями и художниками / Главн. ред. Л. Мехелин. Гельсингфорс, 1894.
- ⁸ *Вишленкова Е.* Визуальный язык описания “русскости” // *Ab Imperio.* 2005. № 3. С. 97–146; здесь с. 104.; *Ивлева С.Е.* Иллюстрированные издания типографии Георгия Гогенфельдена о путешествиях (1866–1870 гг.) // Скандинавские чтения, 2002. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2003. С. 446–447.
- ⁹ Нами не рассматривается первое иллюстрированное издание о Финляндии – “Finland framstäldt i teckningar” (1845–1852). Оно представляется менее репрезентативным, поскольку, в отличие от “Путешествия”, не переводилось на финский язык и не переиздавалось при жизни автора. Кроме того, в нем использованы литографии с картин не финляндских, а шведских и норвежских художников-романтиков. Несмотря на то что количество иллюстративного материала в “Путешествии” намного меньше, большая часть картин создана специально для этого альбома финляндскими художниками и в новой живописной стилистике натурализма (См.: *Эрвамаа Ю.* Утверждение изображения народа и пейзажа в живописи // *Финская живопись, 1750–1900: Каталог выставки.* М., 1979. С. 30–31).
- ¹⁰ *Топелиус З.* Страна // Финляндия в XIX столетии... С. 26–55; *Он же.* Народ // Там же. С. 55–67.
- ¹¹ *Клинге М.* На чужбине и дома / Пер. с фин. СПб., 2005. С. 199.
- ¹² Там же. С. 202.
- ¹³ *Шлыгина Н.В.* Проблемы самоидентификации финнов в современной литературе // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 133–144.
- ¹⁴ *Асоян Ю., Малафеев А.* Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX и начала XX вв. М., 2000. С. 294; *Саушкин Ю.Г.* История и методология географической науки. М., 1976. Гл. 2.
- ¹⁵ *Марков Г.Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. М., 1993.
- ¹⁶ *Асоян Ю., Малафеев А.* Указ. соч. С. 296.
- ¹⁷ Подробнее об этом см., например: *Джэдт Т.* “Места памяти” Пьера Нора: чьи места? Чья память? // *Ab Imperio.* 2004. № 1. С. 63–68 (о Франции); *Вишленкова Е.* Указ. соч. С. 98–103 (о России).
- ¹⁸ *Берг Л.С.* География и ее положение в ряду других наук // Вопросы страноведения. М.; Л., 1925. С. 8–13; *Сухова Н.Г.* Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. Л., 1981.

- ¹⁹ Лоскутова М. С чего начинается Родина? Преподавание географии в дореволюционной школе и региональное самосознание (XIX – начало XX века) // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 182.
- ²⁰ Сухова Н.Г. Указ. соч.; Лоскутова М. Указ. соч. С. 174–175.
- ²¹ Häyrynen M. Landscape Imagery defining the national space // *Suomalainen Maisema. Maisemantutkimuksen näkökulmia (the Finnish Landscape. Perspectives on Landscape Research)*. Helsinki, 2002. S. 42–49; Tiitta A. The Profile of the Finnish landscape // *Ibid*. S. 22–26.
- ²² Tiitta A. *Harmaakiven maa*. S. 114–115.
- ²³ Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 32.
- ²⁴ Там же. С. 26.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Эрвамаа Ю. Указ. соч. С. 36.
- ²⁷ Honko L. *Studies on Tradition and Cultural Identity // Tradition and Cultural Identity / Ed. by L. Honko*. Turku, 1988. P. 7–26; Hall S. *The Spectacle of the “Other” Representation: Cultural Representation and Signifying Practices*. L., 1997; Withers Ch.W.J. *Geography, Science and National Identity: Scotland since 1520*. Cambridge, 2001; Лоскутова М. О памяти, зрительных образах, устной истории и не только о них // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 72–88; Вишленкова Е. Указ. соч.
- ²⁸ Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 31.
- ²⁹ Ямпольский М.Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. М., 2000. Гл. 2; Соколовский С.В. Этнографическое исследование: идеал и действительность // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 2. С. 3–13.
- ³⁰ Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 3–5.
- ³¹ Там же. С. 1–2.
- ³² Там же. С. 33.
- ³³ Там же. С. 33–34.
- ³⁴ О взглядах Топелиуса на историю см., в частности: *Клингс М. Имперская Финляндия / Пер. с фин. СПб., 2005. С. 167–168; Tiitta A. Harmaakiven maa. S. 304–312.*
- ³⁵ Далее цитирование “Маамме”, согласно принятой в финской историографии традиции, осуществляется по главам, а не по страницам.
- ³⁶ Неофициальным гимном Финляндии – сначала студенческим, а потом и национальным – стал с момента первого его исполнения на музыку Ф. Пацуса в 1848 г. (*Клингс М. Имперская Финляндия. С. 172–179*).
- ³⁷ *Рунеберг Й.Л. Наш край / Пер. А. Блока // Рунеберг Й.Л. Избранное. Лирика. СПб., 2004. С. 101.*
- ³⁸ Там же. С. 100.
- ³⁹ Лескинен М.В. Книги для чтения и хрестоматии для начальной школы как инструмент формирования “нового человека” в России последней трети XIX в. Вопросы теории и практики // *Учебный текст в советской школе. СПб., 2008. С. 349–374.*
- ⁴⁰ Withers Ch. W. J. *Op. cit.*; Лоскутова М. С чего начинается Родина?
- ⁴¹ Подробнее об этом: Лескинен М.В. Категория типического в создании национального пейзажа (“Наш край” Й. Рунеберга и “Мой край” Я. Купалы) // Янка Купала и Якуб Колас в системе государственно–культурных и духовно–эстетических приоритетов XXI века: Докл. Междунар. научно–практической конф. Минск, 2008. С. 32–40.
- ⁴² В главах, написанных для “Финляндии в XIX столетии”.
- ⁴³ *Topelius S. Maamme kirja. 3.*
- ⁴⁴ *Топелиус З. Страна. С. 26; Topelius S. Maamme kirja. 15.*

- ⁴⁵ Лоскутова М. С чего начинается Родина? С. 175.
- ⁴⁶ Granö O. Introduction // Suomalainen Maisema. Maisemantutkimuksen näkökulmia (the Finnish Landscape. Perspectives on Landscape Research). S. 11–12.
- ⁴⁷ Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 7.
- ⁴⁸ Tiitta A. The Profile of the Finnish landscape... S. 23.
- ⁴⁹ Сердюк Т.Г. Категория “типическое” в историческом познании: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2001. С. 2–4.
- ⁵⁰ Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е гг. XIX в. Л., 1965. С. 124–125.
- ⁵¹ См., например, о конструировании финского пейзажа: Häyrynen M. Op. cit.; Tiitta A. The Profile of the Finnish landscape...; о конституировании русского пейзажа: Деготь Е. Пространственные коды “русскости” в искусстве XIX века // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 176–186; о “поисках” типичного региона в Швеции: Rosander G. The “nationalization” of Dalecarlia. How a special province became a national symbol of Sweden // Tradition and Cultural Identity / Ed. by L. Honko. Turku, 1988. P. 93–142. Интересный пример полемики о “выборе” великорусского типа последней трети XIX в. см. в: Беляев И.Д. Как образовалось великорусское племя и какое сословие принять представителем великорусского племенного типа? // Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1865. Т. 11. С. 32–43; Костомаров Н.И. Об отношении русской истории и географии к этнографии // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования Н. Костомарова: В 12 т. СПб., 1867. Т. 3. С. 355–377.
- ⁵² См. об этом, в частности: Rosander G. Op. cit.
- ⁵³ Honko L. Op. cit.
- ⁵⁴ Плетнёв Н. Финляндия в русской поэзии // Альманах в память двухсотлетнего юбилея Императорского Александровского университета, изданный Я.К. Гротом. Гельсингфорс, 1842. С. 135–185; Kiparski V. Suomi Venäjän kirjallisuudessa. Helsinki, 1945; Соломещ И.М. От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей. Великий Новгород, 2004. С. 143–153.
- ⁵⁵ Карху Э.Г. Ю.Л. Рунеберг // История литературы Финляндии (от истоков до конца XIX века). Л., 1979. С. 178–212.
- ⁵⁶ Эрвамаа Ю. Указ. соч., Сойна Е.Г. Образ Финляндии в русском искусстве и литературе конца XIX века – первой трети XX века // Многоликая Финляндия. С. 192–238; Суворова Л.В. Путешествие по Финляндии в иллюстрациях Альберта Эдельфельта и Николая Каразина // Скандинавские чтения, 2002. С. 448–453. С. 450.
- ⁵⁷ Häyrynen M. Op. cit.
- ⁵⁸ Витухновская М. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. С. 22–46; Шлыгина Н.В. История финской этнологии. М., 1995. С. 30–33.
- ⁵⁹ Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 9.
- ⁶⁰ Topelius S. Maamme kirja. 18.
- ⁶¹ Топелиус З. Народ. С. 58.
- ⁶² Там же. С. 58–59.
- ⁶³ Topelius S. Maamme kirja. 7.
- ⁶⁴ Ibid.
- ⁶⁵ Ibid. 193.
- ⁶⁶ Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 25.
- ⁶⁷ В русских переводах текста Топелиуса и в российской этнографической литературе XIX в. использовалось шведское название – “тавасты”, хотя было из-

- вестно финское наименование – “хяме, хямяляйсет”. Областью их проживания указывались “окрестности Тавастгуса” или – в финском варианте – “область Хяме”. Любопытно, что именно этот регион определялся как та часть Внутренней Финляндии в которой удалось сохранить старинные обычаи и самобытность традиций. Приход Саариярви во Внутренней Финляндии Й. Рунеберг считал типичным в той же мере, что и характер его жителей (*Рунеберг Й.Л. О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа во внутренности края / Пер. Я. Грота // Рунеберг Й.Л. Избранное. Лирика. С. 179–193*).
- ⁶⁸ *Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 18.*
- ⁶⁹ Подробнее об этом см.: *Лескинен М.В. Понятие “нрав народа” в российских этнографических концепциях второй половины XIX века // Славянский альманах. 2006. М., 2007. С. 281–311.*
- ⁷⁰ Например, известные и в русском переводе сочинения: *Рунеберг Й.Л. О природе финляндской... (1832); Грот Я.К. О финнах и их народной поэзии // Современник. 1840. Т. 19. С. 5–101; Эман И.Э. О национальном характере финнов // Альманах в память двухсотлетнего юбилея... С. 235–146; Кастрен М.А. Путешествие в Лапландию, Россию и Сибирь (1843) // Кастрен М.А. Сочинения: В 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1: Лапландия, Карелия, Россия / Пер. А. Шифнера. С. 68–231; и др.*
- ⁷¹ *Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 17–24; Topelius S. Maamme kirja. 58–69; 70–71, 83–84, 86, 88, 90–92.*
- ⁷² *Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 37.*
- ⁷³ *Topelius S. Maamme kirja. 70.*
- ⁷⁴ *Топелиус З. Народ. С. 61.*
- ⁷⁵ Подробнее об этом см.: *Лескинен М.В. Понятие “нрав народа”...*
- ⁷⁶ *Topelius S. Maamme kirja. 70.*
- ⁷⁷ *Ibid.*
- ⁷⁸ *Куприянов П.С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 21–38.*
- ⁷⁹ *Topelius S. Maamme kirja. 71.*
- ⁸⁰ *Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 19; Topelius S. Maamme kirja. 83–84; Топелиус З. Народ. С. 61–62.*
- ⁸¹ *Topelius S. Maamme kirja. 70–71.*
- ⁸² *Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 25.*
- ⁸³ Там же; *Topelius S. Maamme kirja. 83–84; Топелиус З. Народ. С. 61–62.*
- ⁸⁴ *Топелиус З. Путешествие по Финляндии. С. 19.*
- ⁸⁵ Там же. С. 61.
- ⁸⁶ Там же. С. 62.
- ⁸⁷ *Рунеберг Й.Л. О природе финляндской...*
- ⁸⁸ *Клингс М. Очерк истории Финляндии. С. 89–90; Он же. Имперская Финляндия. С. 194–195.*
- ⁸⁹ *Вихавайнен Т. Указ. соч.*
- ⁹⁰ *Елисеев А.В. По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света: В 4 т. СПб., 1893. Т. 1. С. 30–62.*
- ⁹¹ Там же. С. 30.
- ⁹² *Topelius S. Maamme kirja. 84.*
- ⁹³ *Куприянов П.С. Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 2. С. 84.*
- ⁹⁴ *Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966. С. 213–214.*

- ⁹⁵ Отечествоведение – география Российской империи, родино- или отчизнове-
дение – предмет в начальной школе, объединявший элементы природоведения
и краеведения, с акцентом на методах наглядного обучения.
- ⁹⁶ *Лескинен М.В.* Понятие “нрав народа”...
- ⁹⁷ Касательно текстов путевых заметок и путешествий см.: *Тихменева-Пеура-
нен Т.* Восприятие русскими путешественниками Финляндии в первой полови-
не XIX века // Россия и Запад: диалог культур: Мат-лы второй междунар. конф.
М., 1996. С. 518–523; *Соломещ И.М.* Указ. соч.; *Витухновская М.* Бунтующая ок-
раина или модель для подражания: Финляндия глазами консерваторов и либера-
лов второй половины XIX – начала XX веков // Многоликая Финляндия. С. 89–
143; об образе финнов в русской художественной литературе см., в частности:
Плетнёв Н. Указ. соч.; *Kiparski V.* Op. cit.; *Сойни Е.Г.* Указ. соч.; а также: *Рогин-
ский В.В.* Российские представления о Финляндии и финнах XIX–XX вв. // Рос-
сия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 72–98.
- ⁹⁸ Формально препятствий к тому не было: “Путешествие по Финляндии” и
“Финляндия в XIX столетии” были переведены не только на русский, но и на
французский и немецкий языки. Ученые, специализировавшиеся на культуре
и истории Финляндии, обязательно должны были владеть шведским. Нам уда-
лось обнаружить только одну ссылку на шведоязычное издание “Нашего края”
Топелиуса – в очерке анонимного автора этнографического очерка в томе о
Финляндии “Живописной России” (Очерк IV: Финское племя // Живописная
Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном и экономи-
ческом и бытовом значении / Под общей ред. П.П. Семёнова, вице-председате-
ля ИРГО: В 12 т. СПб.; М., 1882. Т. II, ч. 1: Северо-Западные окраины России.
Великое Княжество Финляндское. С. 65–76). Как правило, авторы этнографи-
ческих разделов, составляя компиляции сведений, не ссылались на источники,
а просто включали в обзор различные фрагменты опубликованных сочинений
(иногда упоминая лишь их авторов). Эти текстовые фрагменты легко обнару-
живаются, но довольно сложно установить первоисточник-оригинал.
- ⁹⁹ Подробнее об этом см.: *Лескинен М.В.* Образ финна в российских популярных
этнографических очерках последней трети XIX в. // Многоликая Финляндия.
С. 154–191.
- ¹⁰⁰ *Topelius S.* Maamme kirja. 83.
- ¹⁰¹ *Топелиус С.* Путешествие по Финляндии. С. 23; *Topelius S.* Maamme kirja. 83.
- ¹⁰² Очерк IV: Финское племя. С. 62.
- ¹⁰³ В российской научной и художественной литературе XIX в. этноним “чухон-
цы”, “чухна” не имел негативного, пренебрежительного оттенка. Он исполь-
зовался в качестве наименования финнов-ингерманландцев, проживавших в
Петербурге и его окрестностях. В 1870-90-е годы так могли называть предст-
авителей других этнических групп финно-угорских народов (например, эстон-
цев), работавших в столице (Чухонцы // Большой энциклопедический словарь.
М., 1999), в отличие от простонародного словоупотребления (См., в частно-
сти: *Агеева Р.А.* Об этнониме “чудь”, “чухна”, “чухарь” // Этнонимы. М., 1970).
- ¹⁰⁴ *Витухновская М.* Карелы на границе конкурирующих национальных проек-
тов: социо-экономические различия российской и финляндской Карелий как
фактор национальной политики // *Ab Imperio.* 2003. № 1. С. 113–148.
- ¹⁰⁵ Очерк IV: Финское племя. С. 62–63.
- ¹⁰⁶ *Соломещ И.М.* Указ. соч.; *Лескинен М.В.* Образ финна...
- ¹⁰⁷ *Соколовский С.В.* Этнографическое исследование: идеал и действительность //
Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 3–13.
- ¹⁰⁸ *Куприянов П.С.* Представления о народах...